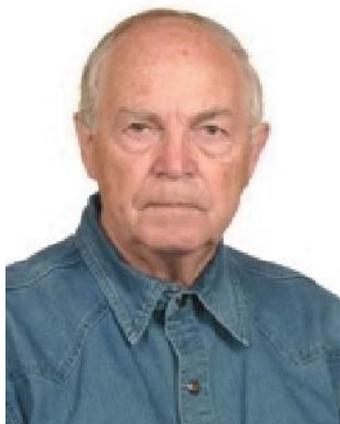

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

Н. И. Лапин

Проблема ценностей в исследованиях В. А. Ядова и его коллег

ЛАПИН Николай Иванович — доктор философских наук, член-корреспондент РАН, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН (Москва, Россия).

Email: lapin@iph.ras.ru

Источник: Лапин Н. И. 2009. Проблема ценностей в исследованиях В. А. Ядова и его коллег. В сб.: *Vivat, Ядов!* М.: ИС РАН; 248–265.

Публикуется с разрешения автора, составителей сборника и В. А. Ядова.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-00108а.

К юбилею Владимира Александровича Ядова была подготовлена книга «Vivat, Ядов!», в которой опубликованы воспоминания и размышления его коллег. В представляемой статье автор концентрирует внимание на работе, которая считается основным вкладом Ядова в социологическую теорию — о противоречии между ценностными ориентациями и реальным поведением индивидов. Итогом этих изысканий стала книга «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности» (1979), в которой была выдвинута и обоснована гипотеза об иерархической структуре диспозиций личности, социальной обусловленности этой структуры и ее системном влиянии на реальное поведение.

Данный материал — не только о Ядове и его коллегах. Это весьма содержательный обзор российских работ в проблемной области, связанной с изучением ценностей.

Ключевые слова: ценностные ориентации; трудовая мотивация; концепция личности; диспозиции личности.

Я познакомился сначала с публикациями В. А. Ядова в журнале «Вопросы философии» и рукописью книги «Человек и его работа», а с ним лично познакомился немного позднее, особенно во время поездки на VI Всемирный социологический конгресс (г. Эвиан, Франция, 1966). Заочные и очные мои впечатления совпали.

Почти все молодые советские социологи были командированы в Эвиан не официальной делегацией, а туристической группой. В пути и во время конгресса мы перезнакомились и сдружились между собой. На самом конгрессе слушали ведущих социологов мира, включая Т. Парсонса. Некоторые из нас с ними даже пообщались. Володя выделялся среди большинства из нас профессиональной подготовкой и владением английским, а также контактами с молодыми польскими социологами. Один из них (возможно, З. Бауман) пригласил советских коллег в казино, где удачно поставил на «красное», и за счет славянского везения угостил нас вином.

На обратном пути из Эвиана мы ехали автобусом до Гренобля. Остановившись в курортном местечке Аннеси, безвалютные, не без подначки Володи, дружной компанией преодолели турникеты на пляж, скандируя: «Avanti, popolo, bandera rossa triumvera!», — и услышали в спину: «Вот, нахальные американцы, прутся без билетов». Потом

разглядывали аттракционы, любовались красавицей-мулаткой, одиноко спускавшейся по лесенке в бассейн. Кто-то пожалел, что не захватил плавки. Как молоды мы были...

А дальше — о серьезном. Лейтмотив моего отношения к Владимиру Александровичу (хотя я и тогда обращался к нему «Володя», но все же он был и остается на два года старше меня!) составили ценности или, как он сам выражается, ценностные ориентации его как личности и исследователя. Импонировала его открытость и непосредственность в общении, подчас резкая. Покорял социологический профессионализм: вкус к поиску новых проблем; сочетание теоретических построений с эмпирическим их изучением; искусство операционализации весьма абстрактных понятий; умение выделить реальный объект, построить четкую систему гипотез и так далее (читай его «Стратегию...»), в том числе организаторские качества: способность довести исследование до конца, каким бы сложным оно ни оказалось. По большому счету, для меня был и остается очень близким демократический вектор его исследований.

С книгой «Человек и его работа», подготовленной коллективом ленинградских авторов под руководством А. Г. Здравомыслова и В. А. Ядова, я познакомился еще в рукописи, когда она проходила положенные процедуры подготовки к выпуску в издательстве «Мысль» в 1967 г. Я тогда в этом издательстве работал заведующим редакцией литературы по истории философии и был привлечен к рецензированию данной рукописи. Она ошеломила меня последовательной нацеленностью на выяснение реального отношения к труду молодых рабочих Ленинграда в контексте известного ориентира на превращение труда в первую жизненную потребность человека.

Основной вывод ленинградского исследования о том, что содержание труда (его функциональные особенности, творческие возможности) мотивирует сильнее, чем заработок, вызвал определенные сомнения и возражения. Но для меня и многих моих коллег по работе в ИКСИ, в создании которого мы участвовали, важным было другое: исследование показало, что в системе ориентаций рабочих на первом месте находится семья, а работа — лишь на четвертом месте; вывод о более действенной мотивации к труду его содержанием, чем оплатой, относился лишь к квалифицированным рабочим, причем далеко не всех видов труда, а лишь функционально содержательных, заключающих в себе творческие возможности. Фактически результаты ленинградского исследования ограничили сферу действия названного идеологического ориентира творческими профессиями индустриального труда, требующими высокой квалификации. С этим выводом идеологи не могли спорить, поскольку он соответствовал Марксовой концепции труда. А в прикладном плане этот вывод адресовался «от имени науки» руководству страны, побуждая к принятию более действенных мер по увеличению доли функционально-содержательных видов труда, что также соответствовало программным установкам КПСС. Тем самым утверждались позиции эмпирической социологии в советском обществоведении.

Но я хочу сосредоточить внимание на следующем этапе научной биографии В. А. Ядова и его коллег: исследование отношения молодых рабочих к труду стало предпосылкой для углубленного проникновения в еще более сложную проблему — *соотношения ценностных ориентаций и реального поведения личности*. Собственно, в ИКСИ Владимир Александрович пришел именно с идеей исследовать эту фундаментальную проблему, и это исследование заняло лет 10, если не больше. Началом стал «изыскательский проект», заявленный осенью 1968 г., а итогом можно считать книгу «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности» (1979), которая вышла уже под грифом другой организации — Института социально-экономических проблем АН СССР. Это не была просто эволюция идей одного ученого или исследовательской команды. Проблема имела серьезные научные, мировоззренческие и общественные основания. Напомню о них вкратце.

Согласно Н. А. Бердяеву, «человек есть существо оценивающее, определяющее качество» интересующих его объектов [Бердяев 1990: 271]. Таков один из основных атрибутов Homo sapiens. Определение

ценностей и установление их иерархии есть трансцендентальная функция сознания. В этой иерархии ценность выше полезности, свобода выше справедливости. Но сама свобода есть источник трагизма жизни.

Социология конкретнее подходит к проблеме ценностей. Э. Дюркгейм видел в ценностях идеалы, функция которых состоит в преобразовании реальностей, к которым они относятся [Дюркгейм 1991]. М. Вебер усматривал в ценностях один из мотивов социального действия: оно основано на вере в «самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет» [Вебер 1990: 628]. По Т. Парсонсу, ценности являются одним из четырех независимых структурных компонентов любой социальной системы. Они суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия определенных обязательств субъектами действия, обеспечивают сохранение и воспроизводство культурных образцов системы [Парсонс 1997: 18].

В процессе первичной социализации каждый индивид по-своему усваивает совокупность целей и норм как базовых ценностей (терминальных и инструментальных), которые располагаются по значимости в иерархическом порядке. На основе этой структуры базовых ценностей индивид в дальнейшем оценивает интересующие его объекты по степени значимости — для себя самого и для других людей. Поскольку каждый живет и действует в социальной общности, оценки множества индивидов становятся компонентами массового сознания, общественного мнения, в целом культуры и в таком качестве влияют на структуру ценностей индивидов. С помощью пропагандистского аппарата и средств массовой коммуникации те или иные ценности, даже их иерархическую систему (как некоторую идеологию, включая мифологию) можно приносить в сознание индивидов, социальных групп, всего населения страны для достижения определенных целей.

Рациональную рефлексию этих областей общественного и индивидуального сознания, вплоть до эмпирического их анализа, осуществляют философия (аксиология), социология, социальная психология, психология. Научный анализ ценностей как ядра общественного сознания представляет известную опасность для официальной идеологии: он выявляет ее реальные цели и содержание, социокультурные последствия и степень достижения поставленных целей. В авторитарном обществе такие исследования не допускаются или находятся под жестким контролем властей.

Не случайно, что в СССР исследования установок и других психологических аспектов сознания и поведения индивида длительное время велись в рамках общей психологии (Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев, В. Н. Мясищев, А. С. Прангишвили, Д. Н. Узнадзе). А внимание к ценностным ориентациям обнаружилось в советском обществоведении лишь во время «оттепели», и оно исходило от философии и социологии. Для философов основным было уяснение сущности ценностей (что это такое), а для социологов — анализ конкретного их многообразия.

В 1960 г. В. П. Тугаринов (философский факультет ЛГУ) опубликовал книгу «О ценностях жизни и культуры». В ней он поднял тему ценностей как позитивную в марксистской философии, но сделал это весьма догматично и эклектично, провозгласив ценности и «благами жизни и культуры людей», и «самодовлеющими» явлениями (фактами, идеалами), но подчеркивая, что ценность следует отличать от оценки, или *отношения* к этим явлениям [Тугаринов 1960: 3–4 и далее]. В декабре 1964 — марте 1965 гг. в Институте философии АН СССР проходила дискуссия по проблеме ценностей, в которой активно участвовали молодые философы Г. С. Батищев, О. Г. Дробницкий, Н. В. Мотрошилова и др. Используя результаты западной аксиологии, они стремились творчески подойти к проблеме и обосновывали понятие ценности как выражение универсальных, самоценных для человека норм взаимоотношений со значимыми объектами. Развивая этот дискурс в русле соотношения ценности и

должного в морали, О. Г. Дробницкий в фундаментальной работе «Понятие морали» пришел к выводу, что «внутренне присущая моральному поступку и вообще предписываемому нравственностью образу жизни *ценность — это феноменальное выражение чрезвычайной сложности, многообразности и взаимного переплетения отраженных во всякой норме общественно-исторических потребностей*» (курсив мой. — Н. Л.) [Дробницкий 1974: 374].

Одновременно начались социологические исследования конкретных видов ценностей и стоящих за ними социальных групп. В редакции «Комсомольской правды» инициативно возник социологический Институт общественного мнения (ИОМ). В серии массовых опросов, проведенных ИОМ в 1960–1967 гг., впервые эмпирически были зафиксированы социальные ориентации советской молодежи. Уже в наше время Б. А. Грушин предпринял вторичный, рефлексивно-критический анализ результатов этих опросов. Он выделил 10 характеристик менталитета масс, часто фиксирувавшихся в массовых опросах и позволяющих наиболее выпукло представить общество того времени. В частности, он эмпирически выстроил иерархию *ценностных ориентаций населения* [Грушин 2001: 36].

Вторичный анализ показал, что важнейшим результатом опроса читательской аудитории «Что вы думаете о своем поколении?» (январь—март 1961 г., свыше 19 тысяч писем, присланных в редакцию) было обнаружение идеологического плюрализма в среде советской молодежи, а именно — «*глубоких разрывов в отношении к базовым принципам, лежащим в основании общества, к прокламируемым обществом идеалам и целям развития* (курсив мой. — Н. Л.)» [Грушин 2001: 194]. Среди активных адептов советского строя приоритетными были три ценности: благо Родины, народа; интересный, творческий труд; высокая мораль. Но обнаружились и критики советского общества, не очень активные в публичных высказываниях, но акцентировавшие в письмах личные интересы в противовес общественным. Кроме того, были представлены и общечеловеческие ценности: коллективизм, динамизм жизни, хорошая семья, интернационализм, но главным приоритетом было образование¹.

Для интуиции социологов-шестидесятников показательным, что именно в области образования В. Н. Шубкин начал масштабные исследования профессиональных ориентаций (привлекательности профессий) выпускников средних школ; в 1962 г. были проведены опросы в Новосибирске и Новосибирской области, затем в Ленинградской области, Средней Азии, Прибалтике, на Дальнем Востоке. Автор полагал, что «в основе различий в привлекательности [профессий] лежит разница в системах ценностей жизни» [Шубкин 1970: 160]. Выяснилось, например, что в Новосибирской и Ленинградской областях выпускники школ высоко ставят профессии летчика, радиотехника, а профессии из области сельского хозяйства и сферы обслуживания — низко [Там же 1970: 203]. Эти исследования получили широкий общественный резонанс и дали ценную информацию для принятия решений в образовании и кадровой политике в народном хозяйстве.

В 1965–1968 гг. под руководством З. И. Файнбурга социологическая лаборатория Пермского политехнического института провела серию исследований ценностных ориентаций, в которых ставилась цель выявить *систему базовых ценностей на уровне личности*. Исследователи отобрали 9 базовых ценностей и подтвердили *иерархичность структуры ценностей*.

¹ Там же. Глава 3. На заключительном этапе работы ИОМ (1966–1967 гг.), когда его демократическая ориентация стала более определенной, а в политической жизни страны «оттепель» сменилась «заморозками», большая часть создаваемой информации оказалась непубликуемой: «она либо работала на антипропаганду, выявляя не столько успехи советского общества, сколько его неудачи и хронические болезни, либо предлагала такие решения проблем, которые, плохо совмещаясь или вовсе не совмещаясь с господствовавшей в обществе идеологией, несли в себе прямую угрозу последней. Первое из этих обстоятельств ярко проявилось в опросе о комсомоле, второе — в опросе о выборности на производстве» [Грушин 2003: 27–28].

Завершая краткий обзор, отметим, что одиннадцатую тему «Лекций по социологии», прочитанных в 1967 году, Ю. А. Левада посвятил «ориентациям личности». Он сослался на ряд западных и советских эмпирических исследований, в которых делались попытки типологизировать ценностные ориентации, отметил некоторую их полезность, но вместе с тем выразил сомнения в устойчивости таких типологий [Левада 1969: 66–70; или новое издание: Левада 2008: 143–145].

Уже при осмыслении результатов исследования об отношении молодых рабочих к своему труду А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов писали: «Под ценностными ориентациями мы понимаем установку личности на те или иные ценности материальной и духовной культуры общества... Это тот компонент структуры личности, который представляет собой некоторую ось сознания, вокруг которой вращаются помыслы и чувства человека и с точки зрения которой решаются многие жизненные вопросы» [Здравомыслов, Ядов 1965: 199].

После выхода книги «Человек и его работа» В. А. Ядов и его коллеги внесли особый вклад в исследование проблемы ценностных ориентаций. Перейдя из ЛГУ в ИКСИ, они подготовили к весне 1969 г. первый вариант программы «изыскательского проекта» на тему «Соотношение ценностных ориентаций и реального (явного) поведения личности в сферах труда и досуга» [Ядов, Кон 1969]. Руководимый В. А. Ядовым авторский коллектив насчитывал тогда 12 человек; в него входили И. С. Кон, Э. В. Беляев, В. В. Водзинская, Г. И. Саганенко, А. Г. Сопиков, а также студенты и стажеры.

Суть проблемы авторы видели в известном несоответствии, противоречии между ценностными ориентациями и реальным (наблюдаемым, явным) поведением индивидов². Они ставили целью выявить и научно описать содержание этого противоречия, а также уяснить, насколько это несоответствие зависит от социальных условий и от индивидуальности-психологических особенностей личности.

Удачно был выбран *объект* изучения: деятельность инженеров (конструкторов и технологов), занятых в проектно-конструкторских организациях, КБ крупных предприятий и в отраслевых институтах. Соответствие этого объекта характеру проблемы было очевидно.

В апреле 1969 г. состоялось обсуждение макета программы на специальном семинаре в ИКСИ, а также на семинарах в Ленинграде и Будапеште. Затем в течение полугода проводился «генеральный пилотаж» всех процедур исследования (16 основных и ряд контрольных методик) на мини-выборке. В итоге была создана программа Генерального проекта.

В ней подчеркивалось принципиальное значение исследования для прогнозирования реального поведения людей, для разработки программ социального планирования, которые должны учитывать механизмы воздействия на социальное поведение людей, для решения задач по повышению эффективности проектно-конструкторских организаций благодаря использованию ценностных ориентаций как регуляторов поведения инженеров сферах труда и досуга. Вместе с тем был показан более высокий, чем ранее представлялось, уровень сложности ценностной ориентации личности, ибо этот объект исследований социологов, социальных психологов и психологов оказался «весьма туманным образованием, теоретическим конструктом, природа которого далеко не изучена» [Соотношение ценностных ориентаций... 1970: 16].

Для решения поставленных задач был сконструирован *предмет* исследования: соотношение ориентаций на самостоятельность и соответствующего им реального поведения в сферах труда и досуга инженеров. Далее была представлена общая концепция исследования и интерпретация основных

² Еще Овидий в «Метаморфозах» афористически заметил: *Video meliora proboque, deteriora sequor* — Вижу и одобряю лучшее, но следую худшему.

понятий, и на этой основе предложены не только описательные, но и *объяснительные гипотезы*. Их было четыре: 1) об изоморфности социальной системы и системы личности, действующей в ней; 2) о большем влиянии конкретных социальных условий, чем ценностных ориентаций, на самостоятельное поведение; 3) о более полной реализации ориентаций при высокой толерантности и низкой конформности субъекта; 4) о согласованности ориентаций на самостоятельность в труде и на избирательность в досуге. Отмечалось, что генеральный пилотаж не позволил подтвердить основные гипотезы из-за недостаточности объемов данных. К программе прилагалась совокупность методик и процедур эмпирического исследования. Одновременно с подготовкой программы разрабатывалась и использовалась принятая в ИКСИ технология проектной организации исследования³.

Интенсивная работа проходила в основном в Ленинграде, а в Москве тем временем сгущались идеологические тучи над ИКСИ, вызванные «ошибками идейно-теоретического характера» в «Лекциях по социологии» Ю. А. Левады. Так случилось, что «Лекции» (выпуски 20 и 21 Информационного бюллетеня ССА и ИКСИ) были изданы одновременно с первым вариантом программы проекта В. А. Ядова (выпуск 19). А в апреле 1970 г., когда первый секретарь МГК КПСС В. Гришин подписал записку в ЦК КПСС об «ошибках» Ю. А. Левады, готовился к печати второй, итоговый вариант программы Генерального проекта В. А. Ядова. Из-за ужесточения контроля над изданиями ИКСИ этой программе также был присвоен ограничительный гриф⁴.

Тревога сквозь иронию ощущалась в заключительном абзаце программы: «И с этой надеждой на что-то непредвиденное, но многообещающее в программе, и с сознанием необходимости подчиниться “программной дисциплине” мы пускаемся в путь, если, конечно, Ученый совет Института найдет, что сотрудники сектора изыскательского проекта почти за полуторагодовой срок работы сумели хотя бы сориентироваться в четырех странах света» [Соотношение ценностных ориентаций... 1970: 91].

Что и говорить, авторы умело сориентировались в исходных координатах проекта. Профессионализм программы, актуальность проблемы, четкое определение объекта и предмета, развернутая концепция и методология, большое количество апробированных в пилотажах методик обеспечили положительное решение Ученого совета Института.

Это укрепляло надежды сотрудников ИКСИ на «успех нашего безнадежного дела». Если можно продолжать исследовать проблему расхождения между ценностными ориентациями и реальным поведением советских людей в сферах труда и досуга, то можно продолжать готовить программы и по

³ Наибольший вклад в ее создание внесли авторы проектов, руководителями которых были В. А. Ядов и Б. А. Грушин; последний для сотрудников ИКСИ прочитал большой курс «Процедуры производства социологической информации».

⁴ Если первый вариант программы проекта был издан тиражом 980 экз., то второй — 100 экз., и во втором варианте на обороте титула вместо аннотации был помещен такой текст:

«К СВЕДЕНИЮ ЧЛЕНОВ УЧЕНОГО СОВЕТА

Генеральный проект «Соотношение ценностных ориентаций и реального поведения в сферах труда и досуга» издается с ограничительным грифом «Материалы к заседанию Ученого Совета ИКСИ АН СССР» и предназначается исключительно для членов Ученого Совета Института конкретных социальных исследований. Закрытый характер этого издания предполагает определенный порядок его использования. На это издание нельзя ссылаться в изданиях открытого характера до принятия этого генерального проекта Ученым Советом Института конкретных социальных исследований АН СССР. Цитирование настоящего издания допускается лишь после согласования с Институтом. Строгое соблюдение приведенных правил пользования настоящим изданием является обязательным. Категорически запрещается передавать настоящее издание лицам, не имеющим отношения к Ученому Совету Института конкретных социальных исследований».

другим острым проблемам. В том числе, убеждал я своих коллег по отделу, исследовать соотношение планируемых и спонтанных процессов в социальной организации промышленного предприятия⁵.

Итак, *per aspera ad astra* — через тернии к звездам!

Реализация программы генерального проекта потребовала от В. А. Ядова и его коллег мобилизации личных качеств, без которых нельзя было пробиться через исследовательские тернии и получить в основном согласованные научные результаты, как они представлены в итоговой книге «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности»⁶. В ней я насчитал 14 авторов; ядро тех, кто стоял у истоков проекта, сохранилось, но часть прежних сотрудников покинула проект, а другие включились в него позднее. В книге видны следы разных подходов, оценок, выводов, некоторые из них расходились с ранее поддержанными (глава V). Видимо, уже тогда, в процессе саморазвития проекта, рождались предпосылки методологического плюрализма.

В ходе работы над проектом ключевой проблемой оказалась «неясность исходных методологических позиций и прежде всего эклектичность представлений о самой сущности личности» [Ядов 1979: 19]. Потребовалось сформировать *новую концепцию* личности, значительно расширить предмет исследования и сконструировать иные гипотезы. Центральной стала разработанная В. А. Ядовым гипотеза об иерархической структуре диспозиций личности, социальной обусловленности этой структуры и ее системном влиянии на реальное поведение. «Основная идея диспозиционной концепции состоит в том, что реальным поведением субъекта управляют не отдельные ориентации или социальные установки, но вся диспозиционная система в целом» [Там же: 160]. Обоснование и подтверждение этой гипотезы-концепции эмпирическими данными стали главными результатами комплексного исследования, признаны многими социологами и социальными психологами, вошли в учебники и хрестоматии.

Далее я намерен охарактеризовать не все результаты исследования, хотя это было бы очень интересным занятием, а только те, которые непосредственно относятся к *ценностным ориентациям* (ЦО) и их месту и роли в реальном поведении личности. Ключевым для уяснения вклада В. А. Ядова является предложенное им понимание системной природы ЦО. Первоначально ЦО считались высшим уровнем диспозиционной структуры. Но появлялось все больше данных о том, что к этому уровню следует отнести и общую направленность личности в определенные сферы деятельности. Более того, в итоге был сделан вывод: «*По-видимому, общая направленность интересов личности, которая, согласно гипотезе, была определена нами как второй уровень иерархии, в действительности является ее высшим уровнем — координирует систему целевых ценностей*» [Там же: 61]. В другом контексте направленность интересов характеризуется как своеобразная «ось системы ценностных ориентаций» [Там же: 81], как субъективная вовлеченность личности в различные сферы деятельности, которая организует систему ориентаций личности в социальной действительности, то есть «доминирует в структуре диспозиций» [Там же: 87]. Таким образом, общая направленность интересов личности и ее ЦО, по всей видимости, образуют «целостную подструктуру» диспозиционной системы личности; а «баланс» направленности интересов на труд и досуг «выполняет роль *внутреннего ядра* ценностно-

⁵ Надежды теплелись недолго. С назначением М. Н. Руткевича директором Института отдел был расформирован, проект закрыт, а его программа сдана в архив с грифом «Для служебного пользования». Лишь 30 лет спустя ее удалось опубликовать, см.: Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов: [Лапин 2005].

⁶ Ей предшествовала книга более прикладного характера: [Ядов 1977].

ориентационной системы личности и в этом качестве служит ведущей характеристикой ее общей жизненной позиции» [Там же: 188–189]⁷.

Продолжая эту логику рассуждений, я мог бы сказать об общей направленности интересов как о системном результате взаимодействия ценностных ориентаций личности с ее интересами — *обобщенном ценностно-ориентационном векторе целенаправленного поведения*, который регулирует выбор человеком того или иного типа (сферы и способа) деятельности.

Данные о структуре ценностей позволили более четко дифференцировать обследованных по общей направленности интересов, а возможно, и выявить противоборство двух типов направленности — на труд и на досуг. В. А. Ядов счел это «наиболее важным результатом», который побудил исследователя поставить вопрос: «В какую сторону повернется индивидуальная “ось ценностного сознания”?» [Там же: 62]. Одна только постановка такого вопроса свидетельствовала о существенном изменении состояния ценностного сознания в советском обществе за 10 лет, прошедшие после выхода в свет «Человека и его работы».

К обобщающим выводам В. А. Ядов и его коллеги пришли на основе эмпирических данных, полученных с помощью тщательно отработанных методик. Методика № 5 проекта называлась «Ценностные ориентации» и представляла собой адаптированный вариант методики американского социального психолога Милтона Рокича. По Рокичу, ценность есть устойчиво и осознанно предпочитаемое благо. В сознании различных субъектов совокупность ценностей образует иерархическую структуру: верхний, наиболее устойчивый ее слой составляют ценности-цели, стратегические самоценности или терминальные ценности. Ниже расположены инструментальные ценности или ценности-средства, качества людей, желаемые для достижения терминальных ценностей; они сильнее подвержены изменениям. Рокич выделил 36 наиболее значимых, базовых ценностей: 18 терминальных и 18 инструментальных. Во второй половине 1960-х годов по результатам опроса 1400 респондентов, которые ранжировали ценности внутри каждого типа, среди терминальных ценностей первые три места заняли мир на Земле, семья и свобода, три последних места заняли жизнь, полная удовольствий, активная, насыщенная жизнь и красота. Среди инструментальных ценностей первые три места заняли честность, высокие притязания и ответственность, а три последних — исполнительность, ум и рациональность. Подтвердилась гипотеза о большей устойчивости терминальных ценностей и их определяющей роли по отношению к инструментальным. Были также показаны особенности структуры ценностей у различных категорий населения. Результаты, опубликованные в серии статей и монографии, получили широкое признание [Rokeach 1967; Rokeach, Parker 1970; Rokeach 1973].

Методика М. Рокича отвечала задачам ленинградского исследования, поскольку позволяла получить эмпирические данные для проверки гипотезы об иерархической структуре диспозиций личности на высшем уровне этой структуры. В. А. Ядов, А. А. Гоштаус и А. А. Семенов, адаптируя эту методику к советским реалиям и конкретному предмету изучения, заменили около трети из списка ценностей. Проверке подлежала конкретная гипотеза: действительно ли ценности терминального списка воспринимаются как цели по сравнению с ценностями-средствами инструментального списка? Если да, то стабильность первых должна быть выше. Использовались два показателя стабильности: 1) индивидуальный — сохранение индивидом своих «показаний» спустя 2–3 недели; 2) групповой —

⁷ О соотношении направленности интересов на труд и на досуг в середине 1950-х годов вспыхнула дискуссия между ведущими французскими социологами. Ж. Фридман выдвинул «компенсаторную теорию», согласно которой монотонность трудовых операций стимулирует потребность в творческой деятельности в досуге. Ж. Дюмазедье утверждал, что очень часто скучная работа сочетается с таким же скучным досугом. В. В. Водзинская и В. А. Ядов, опираясь на исследование инженеров, возразили обоим и показали, что решающее значение имеют тип личности, общая направленность ее интересов и общие социальные условия деятельности [Ядов 1977: 211–225].

мера сходства средних оценок по нескольким подвыборкам из всей совокупности обследованных. Проверка по обоим показателям подтвердила выдвинутую гипотезу.

Также выявилось, что максимальную стабильность обнаруживают ценности, занимающие первые и последние места, а ценности, расположенные в середине, гораздо менее устойчивы. Это позволило предложить важный принцип интерпретации ценностных структур: выделять «системные образы» — «ядро» и «периферию», а не ранжировать и не рассматривать ценности изолированно. В ядро ценностей-целей входили мир и хорошая обстановка в стране, здоровье, семья, работа; материальная обеспеченность заняла срединное положение, а жизнь, полная удовольствий, и высокие запросы оказались на последних местах. К сожалению, авторы не представили иерархии ценностей-средств, но детально рассмотрели структуру ценностей восьми типов (таксонов⁸): «инженеры поневоле», «инженеры по призванию» и др.

В новой концепции личности проблема соотношения ценностных ориентаций и реального поведения, по сравнению с программой 1970 г., получила более широкую интерпретацию в контексте диспозиционной структуры личности. Прежде всего, оказалось, что ценностные ориентации и обобщенные социальные установки взаимосогласованы, но плохо согласуются с ситуативными социальными установками. Был также сделан вывод, что высшие диспозиционные образования больше подвержены влиянию общих социальных условий, а низшие — влиянию конкретных обстоятельств повседневной деятельности. Отсюда недалеко до вывода о рассогласовании между общими и частными условиями деятельности людей в двух основных областях жизни — в труде и досуге.

Заметим, что в книге общие социальные условия часто сводятся к условиям деятельности инженеров внутри организации, то есть как социально-профессиональной группы. Но также отмечается, что в изучаемом «частном» спектре ценностных ориентаций отражается и образ жизни общества в целом [Там же: 88–100], и тогда, соответственно, под общими социальными условиями подчас понимается и «целостный образ жизни» [Там же: 190].

На уровне целенаправленной саморегуляции действует принцип, согласно которому максимально обобщенные диспозиции (баланс направленности интересов и ценностные ориентации) лучше «управляют» поведением личности и в труде, и в досуге, а частные диспозиции лучше регулируют поступки в той конкретной области, к которой они непосредственно относятся (конкретные социальные установки в сфере труда). При этом установки на самостоятельность и исполнительность согласуются с одноименными характеристиками поведения. В целом рассогласование между диспозициями и фактическим поведением личности может обуславливаться как социальными, так и индивидуальными факторами.

Что же можно было сказать о роли ЦО в прогнозировании социального поведения личности? Г. И. Саганенко и В. А. Ядов, по их самооценке, «в первом приближении», но методически весьма детально охарактеризовали место различных диспозиций в практическом прогнозировании поведения личности. Первоначально учитывалось больше тысячи показателей, но после нескольких «уплотнений» их осталось на порядок меньше, и они были объединены в шесть блоков. Были построены сложные графы причинных связей (модели прогноза), в которых указывались коэффициенты влияния каждого показателя на другие. Однако общий результат оказался не оригинальным: практический прогноз деловитости работника лучше обеспечивают социально-ролевые факторы, чем диспозиции. Структура ЦО позволяла неплохо прогнозировать общую направленность поведения, но не конкретные поступки [Там же: 176–188].

⁸ Смысл *таксономических процедур* состоит в «выделении из большой совокупности индивидов, описываемых множеством признаков, внутренне однородных, но различающихся между собой типов, или таксонов» [Ядов 1979: 53]. Эти процедуры были выполнены Г. И. Саганенко.

Принципиальное значение сохраняет *общий вывод В. А. Ядова*: «система фиксированных диспозиций личности..., по-видимому, вообще не может полностью соответствовать социальному поведению индивидов в заданном “масштабе”, каким бы он ни был» [Там же: 194]. Я могу добавить: неполная совместимость личностно-поведенческих характеристик человека как социализированной личности и характеристик социальной организации, общества, возможность их противостояния — это фундаментальный принцип неполноты антропосоциетального соответствия, имеющий ключевое значение для понимания природы и источников развития любого социума.

Таким образом, не произошел и не мог совершиться прорыв в поисках методов прогнозирования, тем более целенаправленного преодоления противоречий между ценностными ориентациями и реальным поведением личности. Одни гипотезы получили частичное подтверждение, другие — нет. Но главный результат — создание концепции диспозиционной структуры личности, которая позволила по-новому осветить саморегуляцию социального поведения людей. Был показан системный характер ценностных ориентаций и их роли в основных сферах деятельности человека, созданы эффективные методики их эмпирического исследования. Это и послужило стимулом для дальнейшего развития социологических и социально-психологических исследований ценностных ориентаций личности, индивидуально и социально значимых ценностей. Исследования по этой теме активизировались с началом «перестройки».

В 1986 г. А. Г. Здравомыслов привлек внимание к взаимосвязи трех важнейших категорий: потребности, интересы, ценности. Человек осознает свои потребности в качестве интересов, а их восприятие с позиций ценностей порождает мотивацию действий и поступков. Историко-социологический анализ показывает, что первым сформировался классический ряд ценностей: истина, добро, красота. Затем были провозглашены идеалы равенства, свободы, справедливости. Наконец, стали утверждаться ценности труда и мира между народами. На основе проведенного анализа автор высказал гипотезу об усилении обратных связей в триаде рассмотренных категорий: о «переходе ценностей в интересы и интересы в потребности» [Здравомыслов 1986: 10]⁹.

Н. Ф. Наумова, исследуя ценностные аспекты труда, как и В. А. Ядов, выделяла «ядро» и «периферию». По ее эмпирическим данным, ядро включало доброжелательное отношение, независимость, творчество, надежное будущее, хороший заработок. «Периферию», или резерв ценностей, к которым индивид обращается реже, составили уважение людей, польза обществу, долг перед ним, не слишком тяжелый труд, профессиональное совершенствование. Реже всего ценностями выступали организаторские способности и спокойная работа [Наумова 1988; Наумова 2006].

Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ ИФРАН) в 1990 г. инициировал Всероссийский мониторинг «Ценности и интересы населения России», по результатам которого раз в 4 года — в 1990, 1994, 1998, 2002 и 2006 гг. — фиксируется структура базовых ценностей, интегрирующих и дифференцирующих российское общество в условиях его трансформации¹⁰.

Данные мониторинга подтвердили иерархическую структуру базовых ценностей (7 терминальных и 7 инструментальных) и регулярно обнаруживали 4 слоя: интегрирующее ядро, интегрирующий резерв, оппонирующий дифференциал и конфликтогенную периферию. Как и в исследованиях В. А. Ядова, крайние слои более устойчивы, чем срединные, а терминальные ценности более устойчивы, чем инструментальные. Структура инструментальных ценностей быстрее меняется вслед

⁹ Т. И. Заславская откликнулась на эту книгу рецензией «Что движет человеком» (Правда. 1986. 20 мая).

¹⁰ В разработке исходной программы мониторинга (1990 г.) участвовали Г. М. Денисовский, А. Г. Здравомыслов, П. М. Козырева, В. В. Колбановский, В. Ю. Копылова, Н. И. Лапин (руководитель), Н. Ф. Наумова, В. А. Ядов; затем в ее доработку и реализацию активно включилась Л. А. Беляева.

за трансформацией социетальных условий, что облегчает индивидам адаптацию, а разнообразие их комбинаций с терминальными ценностями показывает, как разные социокультурные слои трудоспособного населения ориентируются на разные сферы занятости: в частных фирмах или на государственных предприятиях, в управленческих структурах или в системе образования и т. д. В целом за 1990-е годы повысилась роль современных ценностей, затем возник неустойчивый баланс между современными, традиционными и общечеловеческими ценностями, а в последние годы обозначился рост влияния традиционных ценностей. Эти тенденции подтверждаются и данными проводимых в 20 субъектах РФ под методическим руководством ЦИСИ исследований, в рамках которых ведется подготовка социокультурных портретов регионов.

С 2006 г. Россия стала участником Европейского социального исследования, охватывающего 25 стран. Его программа, в частности, позволяет сравнивать структуры ценностей по двум осям: сохранение — изменение, самоутверждение — выход за пределы своего «Я» (автор методики — профессор университета в Иерусалиме С. Шварц). Межстрановые сравнения позволят лучше уяснить общее и особенное в структуре и эволюции ценностей населения России.

Участники этих и других исследований с благодарностью воспринимают и используют тот вклад в исследование ценностных ориентаций личности, который внес Владимир Александрович Ядов. С него началось и продолжается системное научное исследование проблемы ценностей в России.

Сам «инвестор» по-прежнему обращается к этой теме. Во второй половине 1990-х годов В. А. Ядов с коллегами принял диспозиционную концепцию как основу для исследования солидаризации рабочих. Вновь обнаружилось существенные различия между ценностными ориентациями и готовностью к реальным действиям [Ядов 1998а].

Совсем недавно вместе с Г. Н. Соколовой (Минск) В. А. Ядов опубликовал статью «Ценностные ориентации» в словаре «Социология труда» [Ядов 2006]. Разработанную совместно с Г. И. Саганенко методику «Проективные ситуации» он включил в новое издание своей «Стратегии социологического исследования» в качестве примера проективной техники для анкетного опроса, отрекомендовав ее как «хороший способ выявить общую направленность интересов, мотивов деятельности, ценностные ориентации» [Ядов 1998b].

Актуальность изучения ценностей, ценностных ориентаций населения России не снижается. Многие фундаментальные и прикладные ее составляющие остаются неясными на возможной дорожной карте эволюции современного российского общества.

Литература

- Бердяев Н. А. 1990. Об иерархии ценностей. Цели и средства. В кн.: Бердяев Н.А. *Судьба России*. М.: Советский писатель.
- Вебер М. 1990. Мотивы социального действия. В сб.: *Избранные произведения*. М.: Прогресс.
- Грушин Б. А. 2001. *Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева*. М.: Прогресс-Традиция.
- Грушин Б. А. 2003. *Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (Часть 1)*. М.: Прогресс-Традиция.
- Дробницкий О. Г. 1974. *Понятие морали*. М.: Наука.

- Дюркгейм Э. 1991. Ценностные и реальные суждения. Пер. с фр. А. Б. Гофмана. *Социологические исследования*. 2: 106–114.
- Заславская Т. И. 1986. Что движет человеком. *Правда*. 20 мая.
- Здравомыслов А. Г. 1986. *Потребности, интересы, ценности*. М.: Политиздат.
- Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. 1965. Отношение к труду и ценностные ориентации личности. В кн.: *Социология в СССР*. М.: Мысль. Т. 2.
- Лاپин Н. И. (сост. и общ. ред.). 2005. *Генеральный проект ИКСИ АН СССР (1968–1973)*. М.: Academia.
- Левада Ю. А. 1969. Лекции по социологии. *Информационный бюллетень ССА и ИКСИ АН СССР*. М.: ИКСИ. Вып. 21: 66–70.
- Левада Ю. А. 2008. *Лекции по социологии*. М.: Вече.
- Наумова Н. Ф. 1988. Организация ценностей: предпочтения и резерв. В кн.: Наумова Н. Ф. *Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения*. М.: Наука; 129–135.
- Наумова Н. Ф. 2006. *Философия и социология личности*. М.: Канон+.
- Парсонс Т. 1997. *Система современных обществ*. М.: Аспект-Пресс, 1997.
- Соотношение ценностных ориентаций и реального поведения личности в сферах труда и досуга: Программа Генерального проекта / Рук. В. А. Ядов. *Информационный бюллетень ССА и ИКСИ АН СССР*. М.; Л.: ИКСИ, 1970. Вып. 19.
- Тугаринов В. П. 1960. *О ценностях жизни и культуры*. Л.: ЛГУ.
- Шубкин В. Н. 1970. Опыт социологического исследования трудоустройства и выбора профессий. В сб.: *Социологические опыты*. М.: Мысль.
- Ядов В. А. (ред.). 1977. *Социально-психологический портрет инженера: По материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций*. М.: Мысль.
- Ядов В. А. (ред.). 1979. *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности*. Л.: Наука.
- Ядов В. А. (ред.). 1998а. *Солидаризация в рабочей среде*. М.: Ин-т социологии РАН.
- Ядов В. А. (ред.). 2006. *Социология труда: Теоретико-прикладной толковый словарь*. СПб.: Наука.
- Ядов В. А., Кон И. С. (отв. ред.). 1969. Личность и ее ценностные ориентации. Вып. 1. *Информационный бюллетень ССА и ИКСИ*. М.: ИКСИ. 19.
- Ядов В. А. 1998б. *Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности*. М.: Добросвет.
- Rokeach M. 1967. *Value Survey*. Palo Alto, Calif.: Consulting Psychologists Press.
- Rokeach M. 1973. *Nature of Human Values*. N.Y.; L.: Free Press.
- Rokeach M., Parker S. 1970. Values as Social Indicators of Poverty and Race Relations. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 388 (1): 97–111.